

ВСЕ КРАСКИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Независимая газета. - 2001. - 17 апр. - с. 7
Чик Кориа в консерваторском контексте

Михаил Жирмунский

ДЖАЗ — первая культура, уже не знавшая бесконечной дали, запахов природы, размаха чувства от земли до неба. То есть целиком урбанистическая, с ароматом города и его многообразным ритмическим спектром. По крайней мере об этом рассказал рояль Yamaha под пальцами великого джазмена Чика Кориа, наиболее громко титулованного и даже признаваемого гением (в июне мэтру уже 60). В сопровождении нашего Оркестра Большого зала (дирижер Юрий Ботнарь) он играл свой Концерт для фортепиано с оркестром сочинения 1984 года с посвящением «духу артистической свободы», написанный вслед записи Двойного концерта Моцарта в дуэте с чисто академическим венским пианистом Фридрихом Гульда под управлением Николауса Арнонкура для Teldec. В Концерте Кориа нашлось место и струнному тунту «с мыслью» о Моцарте, и симфоническому оркестру-бэнду в духе Гершвина-Бернштейна, и джазовой импровизации ударника. Сольная партия тоже предлагала разные ассоциации с музыкой XX века, трехчастное сочинение выстраивалось вполне интеллектуально, заставляя вслушиваться и задумываться. Не было только двух вещей — лирики и драмы. Даже в начальной каленции медленной второй части... Звук рояля особой джазовой природы — не уходящий ни вглубь, ни ввысь, зависший в сиюминутности — начисто устранил это измерение. Почему-то все время вспоминался Прокофьев, впитавший много жесткого урбанистического конструктивизма: вот кто умел противопоставить всему этому широ-

Легенда джаза Чик Кориа.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

кое русское «пение»! Тоже, кстати, композитор и пианист в одном лице — именно в таких Чик Кориа признает свой идеал.

Персона вне каких-либо жанровых рамок, Чик Кориа периодически предлагает услышать себя настроенными на академическую музыку ушами. И записанным когда-то Моцартом, и Концертом, и самим появлением в Большом зале консерватории, где пианисту понравилась акустика без излишней реверберации. Он не первый джазмен в этом зале, но в его ауру вписался как уместный здесь мастер. В объявленном концерте в день Пасхи (минувшей ночью еще прошел полностью импровизированный «сейшн» американцев с русскими джазистами) первое отделение составлял акустический джаз от «The Chick Corea New Trio». Помимо самого «клавишника», это стоявшие его молодые коллеги, басист Авишай Коэн и ударник Джефферсон Баллард. Привыкшего к академическому жанру

слушателя поначалу отвлекала эмоциональная ограниченность джаза: все это казалось «фоновым», однообразно оптимистичным импрессионизмом, с по-своему богатым роялем, но замешанным на «асфальтовой» основе. Но трио сумело переключить систему координат восприятия и вовлечь в иной поток музыкального движения. Консерваторский зал, заполненный на сей раз «другой» публикой, воспринимал это естественно. Удивительно, что джазовая публика в значительной части молода, и ее поведение — при подготовленности восприятия — заинтересованно и эмоционально, английский язык звезды ее не затрудняет; если так слушают классику, то обычно совсем немногочисленным собранием.

Во-первых, сам Чик Кориа — мастер поладить с публикой. Это вальяжный, мягкий и приветливый человек. Образцом вежливости (особенно на фоне принимающей стороны) увидели его «крупным планом» на пресс-кон-

ференции, таков же точно он и с большим залом: обаятелен и тих. Во-вторых, все вместе представляло собой консерваторского уровня комбинацию нетривиальной музыки, исключительно талантливую звукоизвлечение каждого музыканта и их общий тактичный «драйв». Многие восторгались басистом, но надо сказать, что ударник просто сумел создать из своей системы целый мир, выбивая то руками, то палочками звуки немислимого почти оркестрового разнообразия. Ностальгический джаз — в теме песни Фэтса Уоллера 30-х годов. «Отпечатки пальцев» вовлекают в настороженно напряженные ритмы. Композиция «Прошедшее, настоящее и будущее» в целом медитативна (даже контрабас заиграл смычком), но разрешается в чем-то симфонической патетикой. Кульминацией «Линии жизни», с испано-равелевским роялем, стал всеобщий percussion: и пианист, и басист собрались вокруг ударника, постукивая то в различные компоненты его разветвленной системы, то в некие собственные мелкие приспособления; Кориа вернулся за рояль — собравшиеся шумно приветствовали восстановление темы.

Финальный триумф состоял не просто в том, что у Чика Кориа как ни в чем не бывало запел весь зал. Пение публики профессионально сработало за партию хора в композиции. Сначала maestro прорепетировал пятигласие, деля зал на части. А потом все вполне стройно откликнулось на его жест, то давая исходную гармонию, то повторяя его собственную красивую тему-песню. Этот свой бис Чик Кориа объявил как «специальное сочинение для 1000-голосного хора, фортепиано и оркестра» — что-то вроде для всего большого города. ■